

Свидѣтельства о происхожденіи перевода LXX и степень ихъ достовѣрности. 1)

I.

Переводъ 70 есть древнѣйшій переводъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. Уже это одно обстоятельство придаетъ ему великое значеніе въ вопросѣ о историческихъ судьбахъ подлиннаго текста ветхозавѣтной библии. Правда, мы обладаемъ значительнымъ запасомъ положительныхъ, вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи подлиннаго текста ветхозавѣтныхъ книгъ въ прошедшія, отдаленныя отъ насъ, времена; многое знаемъ о способахъ его храненія, о тѣхъ мѣраxъ, которыя были предпринимаемы для огражденія его отъ всевозможныхъ поврежденій. Всѣ эти свѣдѣнія приводятъ насъ къ тому отрадному убѣжденію, что подлинный ветхозавѣтный текстъ издавна находился въ надежныхъ рукахъ, и заботливость о его храненіи вполнѣ соответствовала его священному достоинству. Но, къ сожалѣнію, какъ ни отдаленны по отношенію къ намъ тѣ времена, въ которыя, съ помощію названныхъ свѣдѣній, можетъ проникнуть наша лю-

1) Rosenmüller, Handbuch für die Literatur der biblischen Kritik und Exegese B. 2; s. 358—386.

Herzfeld, Geschichte des Volkes Ssrael B. 2; s. 334—336.

Bleek, Einleitung in das A. T. 3 Aufl.; s. 760—771.

Keil, Lehrbuch der historisch-krit. Einleit. in das A. T. 3 Aufl.; s. 348—352.

бознательная мысль, слѣдящая за судьбами священнаго ветхозавѣтнаго текста,—времена эти, тѣмъ же менѣе, окажутся позднѣйшими, если мы примемъ во вниманіе тотъ долгій рядъ вѣковъ, который пережить священными ветхозавѣтными книгами со времени завершенія ветхозавѣтнаго канона, т. е. съ того времени, когда ихъ въ послѣдній разъ коснулась рука богопросвѣщенныхъ мужей израильскаго народа, и онѣ, соединенныя въ одно цѣлое и, конечно, нисколько не поврежденныя, были переданы этими мужами послѣдующимъ поколѣніямъ. Свѣдѣнія о судьбахъ подлиннаго текста ветхозавѣтныхъ книгъ, почерпаемая нами отчасти изъ талмуда, отчасти изъ трудовъ древнихъ писателей, доводятъ насъ лишь до 3-го столѣтія нашей эры. Затѣмъ онѣ быстро оскудѣваютъ и наконецъ изсякаютъ вовсе, едва доведи насъ до 1-го вѣка предъ Р. Х. А между чѣмъ этотъ вѣкъ отдѣляется отъ времени завершенія ветхозавѣтнаго канона промежуткомъ по крайней мѣрѣ въ 4 столѣтія. Что же было въ теченіе этихъ столѣтій съ подлиннымъ текстомъ ветхозавѣтныхъ книгъ? Не былъ ли онъ измѣненъ, искаженъ? Не былъ ли убавленъ; домысленъ, переработанъ и въ такомъ видѣ уже предсталъ вниманію тѣхъ, сравнительно поздно жившихъ, лицъ, которыя дали первыя свидѣтельства о немъ? И вотъ здѣсь-то, чтобы не остаться безъ отвѣта, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, пытливая мысль изслѣдователей останавливается на древнихъ переводахъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, съ цѣлію получить при помощи ихъ требуемый отвѣтъ и справедливо рассчитывая найти въ этихъ переводахъ отображеніе, „зеркало“ подлиннаго ветхозавѣтнаго текста въ томъ его видѣ, въ какомъ существовалъ онъ во время составленія того или другаго перевода. Понятно само собою, что въ этомъ случаѣ значеніе переводовъ возрастаетъ вмѣстѣ съ ихъ древностію: чѣмъ древнѣе переводъ, тѣмъ болѣе основаній полагать, что переданный текстъ имъ подлинный переданъ имъ въ его первоначальномъ видѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе близкомъ къ первоначальному. Поелику

же изъ всѣхъ переводовъ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ переводъ 70 есть самый древній, то несомнѣнно, что въ глазахъ ученыхъ изслѣдователей библии онъ долженъ имѣть и имѣеть наибольшее значеніе, такъ какъ даетъ возможность ознакомиться съ состояніемъ ветхозавѣтнаго подлиннаго текста въ отдаленнѣйшія времена.

Но когда же именно возникъ переводъ LXX? О времени происхожденія перевода LXX мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ, которыя притомъ отличаются замѣчательною въ своемъ родѣ подробностію и обстоятельностью. Онѣ не только указываютъ на время перевода, но и говорятъ о томъ, что ему предшествовало и что его вызвало, говорятъ о лицахъ, принимавшихъ въ немъ участіе и непосредственно трудившихся надъ нимъ, о мѣстѣ его составленія и многихъ другихъ второстепенныхъ, сопровождавшихъ его, обстоятельствахъ, часто не имѣющихъ почти никакого значенія. При всей однакоже своей перѣдко утомительной обстоятельности, свидѣтельства эти далеко не отличаются тѣми свойствами, какими должно обладать всякое историческое свидѣтельство, для того чтобы имъ можно было пользоваться, какъ несомнѣнно достовѣрнымъ, на его основанія приходять къ положительнымъ выводамъ, убѣдительнымъ для каждаго. Названнымъ свидѣтельствамъ недостаетъ, за немногими исключеніями, простоты, объективности, точности; онѣ, при первомъ знакомствѣ съ ними, производятъ впечатлѣніе искусственно составленныхъ и съ извѣстными цѣлями разукрашенныхъ рассказовъ; въ нихъ встрѣчаются противорѣчія, много невѣроятнаго. Кромѣ того свидѣтельства, о которыхъ у насъ рѣчь, будучи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень подробными, въ другихъ—очень скудны, такъ что въ нихъ нельзя найти прямыхъ отвѣтовъ на очень важные вопросы касательно возникновенія перевода 70 въ полномъ его объемѣ. Вслѣдствіе указанныхъ особенностей нашихъ свидѣтельствъ, онѣ, для того чтобы съ помощію ихъ можно было придти къ положительнымъ выводамъ, съ одной стороны требуютъ внимательнаго разбора и про-

вѣрки, а съ другой ставятъ въ необходимость обращаться къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ и искать подтвержденія этихъ предположеній въ стороннихъ фактахъ.

II.

Древнѣйшее и наиболѣе подробное свидѣтельство о происхожденіи перевода LXX заключается въ такъ называемомъ письмѣ Аристеева ²⁾. Если вѣрить письму, содержащему въ себѣ данныя о личности своего автора, — Аристей былъ грекъ, поклонникъ Зевса и человекъ очень близкій ко двору Птолемея Филадельфа и даже къ особѣ самого царя. Онъ былъ не только современникомъ описываемыхъ имъ событій, но и лицомъ, принимавшимъ въ нихъ живое, непосредственное участіе. Письмо о переводѣ LXX, какъ событіи достопримѣчательномъ, написано Аристеемъ его брату Филократу, который отличался любознательностію и котораго во время составленія перевода ветхозавѣтныхъ книгъ не было въ Александріи.

То, что въ письмѣ Аристеева ближайшимъ образомъ относится къ переводу, состоитъ въ слѣдующемъ: Птоломей Филадельфъ однажды посѣтилъ распространенную имъ съ большими издержками Александрійскую бібліотеку, дабы лично ознакомиться съ ея состояніемъ. Во время этого посѣщенія тогдашній бібліотекаръ, Димитрій Фалерейскій, объявилъ царю, что число томовъ въ бібліотекѣ возрасло уже до 200 т., но что вскорѣ число это возрастетъ до 500 т. влѣдствіе уже принятыхъ имъ, бібліотекаремъ, мѣръ. Бібліотекаръ сказалъ также царю, что, по его мнѣнію, достойны внесенія

²⁾ Письмо Аристеева въ первый разъ было напечатано въ латинскомъ переводѣ около 1470 г., въ Римѣ; его подлинный греческій текстъ былъ изданъ въ 1561 г., въ Базелѣ; въ 1601 г. Фабрицій присоединилъ его къ своему изданію сочиненій Іосифа Флавія. — Въ русскомъ переводѣ письмо Аристеева явилось въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1787 г.) при второй части сочиненія І. Флавія «О войнѣ іудейской», переведеннаго Михаиломъ Алексѣевымъ.

въ бібліотеку и книги іудеевъ, содержація въ себѣ законы; но такъ какъ онѣ написаны на чуждомъ языкѣ, то необходимо перевести ихъ на греческій. Царь далъ обѣщаніе снести письменно съ іудейскимъ первосвященникомъ относительно приготовленія этого перевода.

При разговорѣ царя съ Димитріемъ о переводѣ іудейскихъ книгъ присутствовалъ Аристей. Но еще до этого времени онъ перѣдко бесѣдовалъ съ двумя начальниками царскихъ тѣлохранителей—Созибіемъ Таректскимъ и Андреемъ о находившихся въ Египтѣ плѣнныхъ іудеяхъ и о ихъ освобожденіи. Теперь Созибій и Андрей стали совѣтовать Аристею воспользоваться намѣреніемъ Филадельфа—вступить въ сношеніе съ іерусалимскимъ первосвященникомъ и при первомъ удобномъ случаѣ обратиться къ царю съ просьбою о плѣнникахъ. Аристей такъ и сдѣлалъ. Царь благосклонно отнесся къ его ходатайству, даровалъ свободу іудеямъ, ему собственно принадлежавшимъ, а своимъ поданнымъ за каждаго раба—іудея заплатилъ по 20 драхмъ. Сумма, на этотъ разъ издержанная, простиралась до 400 талантовъ. Но вслѣдствіе своей необыкновенной доброты царь рѣшился выкупить и тѣхъ іудеевъ, которые со временъ Александра Великаго находились въ рукахъ Египтянъ, въ качествѣ рабовъ, и еще разъ заплатилъ за нихъ наличными деньгами 660 талантовъ.

Послѣ этихъ событій и прежде нежели сдѣланы были послѣднія приготовленія къ переводу еврейскихъ книгъ, Димитрій, какъ бібліотекаръ, долженъ былъ высказать свое мнѣніе о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Въ своемъ письменномъ докладѣ царю онъ призналъ нужнымъ выписать въ Египеть изъ Іудеи точную копію съ книги іудейскаго закона и для его перевода 72 ученыхъ іудея, по 6 изъ каждаго колѣна. Вслѣдствіе такого доклада въ Іерусалимъ были отправлены Аристей и Андрей съ царскимъ письмомъ къ первосвященнику Елеазару и съ богатыми подарками для него и для храма. Елеазаръ принялъ ихъ дружественно, избралъ, по ихъ желанію, по 6 мужей изъ каждаго колѣна, глубоко свѣдущихъ

какъ въ еврейскомъ, такъ и въ греческомъ языкѣ, и приказалъ приготовить для нихъ списокъ закона, начертанный золотыми литерами. Съ отвѣтными подарками Елеазара и съ его письмомъ къ царю отпавились наконецъ послы изъ Иерусалима въ обществѣ 72 ученыхъ іудеевъ и благополучно прибыли въ Александрію. Когда Итоломей увидѣлъ великолѣпный кодексъ закона, то воздалъ благодареніе Богу и отъ радости заплакалъ предъ своими друзьями. Вызванные въ Египетъ іудейскіе ученые 7-мь дней пиршествовали у царя; каждый день за столомъ царь предлагалъ нѣсколькимъ изъ нихъ, пока не обошелъ всѣхъ по порядку, вопросы, затруднительные для рѣшенія, и къ изумленію царя, его министровъ и греческихъ философовъ, здѣсь же присутствовавшихъ, они отвѣчали на эти вопросы съ необычайною мудростію. Послѣ семидневныхъ пиршествъ ученымъ іудейскимъ было дано три дня для отдыха; каждому изъ нихъ былъ подаренъ рабъ, и каждый изъ этихъ рабовъ долженъ былъ передать новому своему господину три таланта отъ имени царя. На одиннадцатый день приступили они къ своему дѣлу; Димитрій отправился съ ними на островъ Фаросъ и принялъ на себя трудъ записывать приготовленный ими переводъ, послѣ того какъ они, по взаимномъ совѣщаніи, единодушно одобряли ту или другую его часть. 72 переводчика окончили свое занятіе въ 72 дня. Въ назначенный день переводъ былъ торжественно прочитанъ при открытыхъ дверяхъ и при многочисленномъ стеченіи іудеевъ и египтянъ. Всѣ удивлялись правильности перевода, и онъ былъ принятъ. По окончаніи чтенія іудей, по настоянію Димитрія, произнесли клятву на всякаго, кто дерзнетъ измѣнить въ переводѣ хоть бы одинъ слогъ. Царь поручилъ греческій переводъ еврейскаго закона, который долженъ былъ храниться въ Александрійской бібліотекѣ, особенному вниманію Димитрія, подарилъ каждому изъ переводчиковъ по два таланта золота, по золотой чашѣ, цѣною въ талантъ, и по три одежды и на свой счетъ отправилъ ихъ всѣхъ въ отечество.

Дальнѣйшія свидѣтельства о происхожденіи перевода LXX мы встрѣчаемъ у Филона и Иосифа Флавія. Филонъ ³⁾ въ своемъ сочиненіи «De vita Mosis» указываетъ на исторію возникновенія перевода LXX, какъ на доказательство того великаго уваженія, которымъ іудейскій законъ пользовался со стороны даже чужеземныхъ языческихъ царей. Филонъ сходитя въ своемъ разсказѣ съ Аристеемъ не только въ главномъ, но и въ частности. Впрочемъ, по сравненіи съ Аристеемъ, онъ сообщаетъ и нѣчто новое; такъ онъ говоритъ, что всѣ переводчики, какъ бы по вдохновенію, употребляли при переводѣ выраженія совершенно одинаковыя, вполне соотвѣтствующія оригиналу и самымъ точнымъ и яснымъ образомъ выражающія понятія подлинника.—и что въ память составленія перевода на островъ Фаросѣ было установлено ежегодное торжество, на которое собирались не только іудеи, но и другіе, дабы благодарить Бога за спасеніе, открытое имъ въ томъ переводѣ. Иосифъ въ своихъ сочиненіяхъ трижды говоритъ о составленіи перевода. Дважды ⁴⁾ онъ упоминаетъ о немъ мимоходомъ и вообще замѣчаетъ, что онъ былъ приготовленъ по инициативѣ царя Птолемея II; въ третій разъ ⁵⁾ Иосифъ подробно излагаетъ исторію возникновенія перевода, почти буквально сходясь съ Аристеемъ. Иосифъ разногласитъ съ Аристеемъ лишь въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ Иосифъ говоритъ, что Птоломей за каждаго выкупленнаго имъ іудея заплатилъ 120 аттическихъ драхмъ, или 30 сиклей, а не 20 драхмъ, какъ значится у Аристеев. Второе различіе между Иосифомъ и Аристеемъ состоитъ въ томъ, что Иосифъ иначе, нежели Аристей, излагаетъ докладъ Димитрія, письмо царя къ первосвященнику Елеазару и письмо послѣдняго къ царю.

Затѣмъ не мало свидѣтельствъ о переводѣ LXX находится въ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей ⁶⁾.

³⁾ De vita Mosis I. II, § 3--7.

⁴⁾ Praef. ad Antidu. § 3; contra Apion. II, 4.

⁵⁾ Antiq. XII, 2.

⁶⁾ Густинъ, 1 Апол. 31; Увѣщ. къ эллин. 13; Римей, прот. ересей

Но изъ этихъ свидѣтельствъ останавливаются на себѣ вниманіе лишь свидѣтельства Іустина мученика и Елифанія. Прочіе же свидѣтели или дѣлаютъ извлеченія изъ письма аристеева, или повторяютъ другъ друга то буквально, то съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями и сокращеніями 7). Іустинъ говоритъ о происхожденіи перевода 70 въ 1-й апологіи гл. 31 и въ увѣщаніи къ эллинамъ 13 гл. Елифаній—въ сочиненіи о мѣрахъ и вѣсахъ. Въ первой апологіи Іустина читаемъ: когда Птоломей Египетскій царь устроилъ библіотеку и старался собрать сочиненія всѣхъ людей, то, услышавъ о тѣхъ пророчествахъ (іудейскихъ пророковъ), послалъ къ царствовавшему тогда у іудеевъ Ироду и просилъ переслать къ нему книги пророчествъ. Царь Иродъ послалъ эти книги, написанныя на еврейскомъ языкѣ... Но поелику египтяне не знали, что въ нихъ написано, то Птоломей снова послалъ и просилъ прислать людей, для перевода ихъ на греческій языкъ. Это исполнено; и такимъ образомъ тѣ книги сдѣлались достояніемъ и египтянъ до сего времени, а также онѣ находятся всюду у всѣхъ іудеевъ. Въ увѣщаніи къ эллинамъ исторія перевода 70 излагается пространнѣе. Если кто скажетъ, говоритъ здѣсь Іустинъ, что книги Моисея и другихъ пророковъ написаны также на эллинскомъ языкѣ, то пусть узнаетъ изъ свѣтскихъ исторій, что Птоломей, царь египетскій, всюду собирая книги для наполненія построенной имъ въ Александріи библіотеки, какъ скоро узналъ, что еще сохранились древнія историческія сказанія, написанныя на еврейскомъ языкѣ, то, желая узнать ихъ содержаніе, призвалъ изъ Іерусалима 70 ученыхъ мужей, знаю-

III, 21; Клим. Алекс., *Strom.* 1, 22; Евсевій, *Præp. evang.*; Ц. II, V, 8; Елифаній, *De mens. et pond.* 3. 6. 9—11; Августинъ, *Civ. de D.* XVIII, 42; *Doctr. Christ.* II, 22; Тертуліанъ, *Apolog.* 18.

7) Такъ Іустина повторяютъ Иринеи, Климентъ Ал., Августинъ; Евсевій *Præp. evang.* сдѣлаетъ извлеченіе изъ Аристеева; Ц. II. приводитъ сказанное Иринеемъ.

щихъ еврейскій и эллинскій языки и приказалъ имъ перевести книги. Для того же, чтобы, безъ всякой помѣхи, они могли скорѣе сдѣлать переводъ, онъ приказалъ построить, не въ самомъ городѣ, но въ семи отъ него стадіяхъ, гдѣ воздвигнуть маякъ, столько маленькихъ домовъ, сколько было переводчиковъ, чтобы каждый изъ нихъ отдѣльно занимался переводомъ. При этомъ онъ приказалъ приставленнымъ служителямъ доставлять имъ все нужное и прислуживать имъ, но не допускать ихъ до взаимнаго сношенія для того, чтобы послѣ о точности перевода можно было судить по ихъ согласію. Когда онъ узналъ, что 70 мужей въ своемъ переводѣ не только удержали тѣ же мысли, но употребили одни и тѣ же слова, ни въ одномъ выраженіи не разошлись между собою, но написали одно и то же: то удивившись и вѣруя, что переводъ этотъ написанъ съ помощію божественной силы, призналъ ихъ достойными всякой почести, какъ людей богоугодныхъ, и приказалъ съ великими наградами отпустить ихъ въ отечество, а книги почитая божественными, какъ слѣдовало, положилъ въ бібліотекѣ. Это мы рассказываемъ вамъ, эллины, не басни и невымышленную исторію. Мы сами были въ Александріи, видѣли доселѣ уцѣлѣвшіе остатки домиковъ въ Фаросѣ, и что слышали отъ туземцевъ, знающихъ это по преданію отъ отцевъ, то теперь рассказываемъ вамъ; то же вы можете узнать и отъ другихъ, особенно отъ ученыхъ и уважаемыхъ историковъ, излагавшихъ объ этомъ предметѣ,—Филона, Іосифа и многихъ другихъ.—Епифаній въ сочиненіи о вѣсахъ и мѣрахъ передаетъ о переводѣ LXX слѣдующее: „Однажды, когда Птоломей Филадельфъ освѣдомился у Димитрія Фалерейскаго о состояніи ввѣренной ему бібліотеки, то Димитрій сообщилъ царю, что число собранныхъ имъ книгъ простирается уже до 54 тысячъ, но что многихъ еще чужеземныхъ книгъ нѣтъ въ бібліотекѣ, и главное—нѣтъ въ ней божественныхъ, пророками написанныхъ, книгъ іудейскихъ, которыя содержатъ свѣдѣнія о Богѣ, о твореніи

и о другихъ важныхъ и полезныхъ предметахъ. Если бы царь желалъ имѣть эти книги въ своей библіотекѣ, то онъ могъ бы выпросить ихъ въ Іерусалимѣ. Царь послѣдовалъ совѣту Димитрія и отправилъ въ Іерусалимъ сопровождаемое дорогими подарками посланіе съ просьбою выслать іудейскія книги, написанныя пророками. Въ Іерусалимѣ благосклонно приняли и посланіе и подарки и отправили къ Филадельфу не только 22 каноническія книги, но и 72 книги апокрифовъ. Но царь не зналъ еврейскаго языка и потому долженъ былъ вторично отправить въ Іерусалимъ письмо съ просьбою о присылкѣ людей, которые бы могли перевести еврейскія книги на греческій языкъ. Изъ Іерусалима было послано 72 мужа, свѣдущихъ въ еврейскомъ и греческомъ языкахъ. Эти мужи каждый день попарно были заключаемы въ 36 отдѣльныхъ кельяхъ, на островѣ Фаросѣ; передъ вечеромъ они были въ 36 ладьяхъ привозимы къ вечерней трапезѣ, приготовлявшейся у царя, и для почлега имъ отводилось 36 отдѣльныхъ комнатъ. Для того, чтобы они не могли входить между собою въ общеніе, въ ихъ кельяхъ не было сдѣлано оконъ; кельи имѣли отверстіе лишь вверху. Каждая пара переводчиковъ имѣла по два служителя. Еврейскій кодексъ былъ одинъ и по очереди переходилъ изъ кельи въ келью. Переводчики диктовали свой переводъ скорописцу; такимъ образомъ было приготовлено 36, одинъ отъ другаго независимыхъ, переводовъ; въ извѣстный день онѣ были сличены между собою и къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ оказались сходными между собой во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, въ прибавленіяхъ и сокращеніяхъ“.

III.

Если мы дадимъ себѣ трудъ сличить между собою съ одной стороны письмо Аристея, съ другой свидѣтельства Филона и Іосифа Флавія; то безъ труда замѣтимъ, что всѣ они

въ главныххъ чертахъ сходны между собою. Переводъ ветхо-завѣтныхъ книгъ на греческій языкъ при одномъ изъ первыхъ египетскихъ Птоломеевъ, и именно при Филадельфѣ, и притомъ по инициативѣ этого послѣдняго, вызовъ переводчиковъ изъ Палестины, живое участіе въ переводѣ Димитрія Фалерейскаго, составленіе перевода въ Египтѣ—вотъ главные факты, о которыхъ всѣ, или почти всѣ наши свидѣтельства совершенно одинаково упоминаютъ. Уже одно это сходство, рассматриваемое само по себѣ, естественно приводитъ къ предположенію, что свидѣтельство письма аристеева, какъ древнѣйшее, послужило источникомъ для всѣхъ прочихъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ. Но предположеніе это становится не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ въ виду заявленій самихъ свидѣтелей. Иосифъ Флавій и Епифаній прямо говорятъ о своемъ знакомствѣ съ письмомъ Аристеев. Такъ Иосифъ, упомянувъ о томъ, что Птоломей Филадельфъ велъ ученые разговоры съ прибывшими въ Александрію переводчиками, отсылаетъ къ Аристееву своихъ любознательныхъ читателей для обстоятельнаго ознакомленія съ этими разговорами. Епифаній, сказавши, что переводчики были избраны изъ всѣхъ 12 колѣнъ израилевыхъ, по 6 изъ cadaго, въ подтвержденіе ссылается на Аристеева: *ὡς ἐξέδωκεν ὁ Ἀρισταῖος ἐν τῷ συντάγματι*. Указаніе на знакомство съ Аристеемъ можно видѣть, какъ кажется, и у Іустина. Правда въ увѣщаніи къ элинамъ, называя поименно писателей, которые рассказываютъ о происхожденіи перевода LXX, Іустинъ умалчиваетъ объ Аристеевѣ, но умалчиваетъ едва ли потому, что ему ничего не было извѣстно о немъ; напротивъ Іустинъ замѣчаетъ, что ему извѣстны многіе писатели, говорившіе о переводѣ; и только желая быть убѣдительнымъ въ своихъ ссылкахъ, онъ упоминаетъ лишь о писателяхъ всѣмъ извѣстныхъ, каковы Филонъ и Иосифъ, а прочихъ же называетъ неопредѣленно „другими“. Весьма вѣроятно, что подъ этими другими Іустинъ разумѣлъ и Аристеева. Не упоминаетъ объ Аристеевѣ ни прямо, ни косвенно

одинъ только Филонъ; но Филонъ вообще не имѣлъ обычая называть тѣхъ писателей, которые были ему извѣстны и которыми онъ пользовался; сходство же его разказа о переводѣ LXX, даже въ подробностяхъ, съ разказомъ письма Аристеева устраняетъ сомнѣнiе въ томъ, что сочиненiе Аристеева было ему извѣстно и онъ имъ пользовался.

Однакоже при всемъ сходствѣ, въ главныхъ чертахъ, съ письмомъ Аристеева прочихъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, эти послѣднiя далеко не могутъ быть названы тождественными съ указаннымъ письмомъ: мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они разногласятъ съ нимъ, а главное сообщаютъ много новыхъ фактовъ, въ немъ не упоминаемыхъ. Но откуда же произошли эти показанiя, несогласныя съ письмомъ Аристеева, эти дополненiя къ нему? Не заимствованы ли онѣ изъ какихъ либо другихъ древнихъ письменныхъ документовъ, въ которыхъ съ большею точностию и большею обстоятельностью, нежели въ письмѣ Аристеева, излагалась исторiя происхожденiя перевода LXX,—документовъ, которыми наши свидѣтели, на ряду съ письмомъ Аристеевымъ, и воспользовались, вполне имъ довѣряя на достаточныхъ основанiяхъ? Нѣтъ, при внимательномъ разсмотрѣнiи нашихъ свидѣтельствъ такое предположенiе окажется совершенно излишнимъ. Начнемъ съ тѣхъ незначительныхъ разностей, которыя представляетъ разказъ Иосифа Флавiя, по сравненiю съ письмомъ Аристеева. По словамъ Иосифа Птоломей Филадельфъ заплатилъ за cadaго выкупленнаго имъ iудея по 120 драхмъ, или по 30 сиклей, а не по 20 драхмъ, какъ у Аристеева. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта разность есть лишь вымыселъ самаго Иосифа: ему вѣроятно хотѣлось показать, что Птоломей за cadaго iудея заплатилъ такую именно сумму, какая въ законѣ Моисеевомъ положена за голову раба. Предположенiе это тѣмъ вѣроятнѣе, что не смотря на разницу въ платѣ за отдѣльное лице, общая сумма, издержанная царемъ на выкупъ, у Иосифа, какъ и у Аристеева, показана одна и

таже—400 талантовъ; очень вѣроятно, что Іосифъ, самъ же измѣнивъ цифру Аристеевъ въ первомъ случаѣ, въ послѣднемъ забылъ, вслѣдствіе поспѣшности, это сдѣлать.⁸⁾ Что касается второй разности между Аристеемъ и Іосифомъ, состоящей въ томъ, что докладъ Димитрія Фалерейскаго, письма Филадельфа и Елеазара Іосифомъ изложены иначе, нежели въ письмѣ Аристеевомъ, то несомнѣнно, что источникъ и этой разности — также самъ Іосифъ. При сличеніи названныхъ документовъ въ Аристеевской и Іосифовской редакціи (конечно въ подлинникѣ) оказывается, что различіе заключается не въ содержаніи, но собственно въ стилѣ: стиль у Іосифа гораздо изящнѣе, нежели у Аристеева. Но нужно знать, что Іосифъ писалъ для такихъ читателей, которые привыкли къ чистотѣ и изяществу рѣчи лучшихъ греческихъ авторовъ. Вкусъ подобныхъ читателей могъ оскорбиться тѣмъ дурнымъ, неправильнымъ стилемъ, которымъ поименованные документы изложены въ Аристеевомъ письмѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстно оно въ настоящее время. Очень можетъ быть, что, найдя въ нихъ такой стиль, Іосифъ, сообразно съ своими цѣлями, измѣнилъ его.

Перейдемъ къ прибавленіямъ, которыми пополняются свѣдѣнія письма Аристеева у Филона, Іустина мученика, Епифанія. Нѣтъ конечно основаній считать эти прибавленія вымысломъ писателей, у которыхъ онѣ находятся; и подобное предположеніе, по отношенію къ Іустину и Епифанію, было-бы, по меньшей мѣрѣ, дерзкимъ. Но съ другой стороны нѣтъ необходимости видѣть источникъ ихъ въ какихъ либо не дошедшихъ до насъ древнихъ письменныхъ документахъ, заслуживающихъ довѣрія. Скорѣе всего прибавленія, о которыхъ у насъ рѣчь, заимствованы изъ устныхъ сказаній, переходившихъ изъ рода въ родъ въ средѣ людей, для которыхъ переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ имѣлъ почему либо

⁸⁾ Rosenmüller, s. 362.

особенное значеніе. На такой именно источникъ добавленій указываютъ ихъ особенности, характеризующія собою всё вообще свѣдѣнія, почерпаемыя изъ неизсякающаго и постоянно расширяющагося потока полу-тайнственныхъ, полупоэтическихъ народныхъ преданій. Такъ, добавленія перечисленныхъ нами писателей не отличаются точностію и опредѣленностію, онѣ противорѣчатъ одно другому, въ нихъ да-етъ себя замѣтить элементъ чудеснаго, стремленіе поставить извѣстное событіе внѣ ряда событій обыкновенныхъ; но что особенно замѣчательно — онѣ представляютъ собою, такъ сказать, рядъ наслоеній, постепенное нарастаніе новыхъ подробностей, приуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ фактамъ. Эти наслоенія не трудно будетъ прослѣдить, если мы, взявъ исходной точкой нѣкоторые факты въ письмѣ Аристеля, посмотримъ прибавленія къ нимъ у Филона, Іустипа мученика и Елифанія въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ напр. у Аристеля говорится, что переводъ былъ составленъ не въ Александрію, а внѣ ея, на островѣ, гдѣ для переводчиковъ былъ отведенъ великолѣпный домъ, дабы они могли здѣсь, вдали отъ шума и житейской суеты, успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ. Филонъ также говоритъ, что переводчики занимались переводомъ не въ городѣ, а на островѣ Фаросѣ, но къ этому прибавляетъ, что въ память перевода на островѣ Фаросѣ установлено было ежегодное торжество. Іустинъ мученикъ повторяетъ сказанное Аристеемъ и Филономъ о мѣстѣ составленія перевода, но при этомъ замѣчаетъ уже, что на островѣ, для помѣщенія переводчиковъ былъ отведенъ не одинъ домъ, а нарочно построено столько домовъ, сколько было переводчиковъ, что воспоминаніе объ этомъ обстоятельстве сохранилось въ средѣ жителей острова и что ему были показаны на Фаросѣ даже развалины келлій, когда-то построенныхъ для переводчиковъ; ко всему этому Іустинъ прибавляетъ, что служителямъ, назначеннымъ для услугъ переводчикамъ, было приказано не допускать послѣднихъ до взаимнаго сношенія. У Елифанія о мѣстѣ составленія ска-

вано тоже, что у предшествующихъ свидѣтелей, о способѣ помѣщенія переводчиковъ вообще тоже, что у Іустина, но къ этому присоединено новое добавленіе: по Епифанію—для устранения взаимныхъ сношеній между переводчиками келліи были построены безъ оконъ.—Затѣмъ Аристей говоритъ, что, когда переводъ былъ прочитанъ предъ собраніемъ іудейскихъ старѣйшинъ, то онъ былъ признанъ вообще правильнымъ; по словамъ Филона переводчики оказались согласными между собою во всѣхъ выраженіяхъ; Іустинъ свидѣтельствуесть, что всѣ 70 переводчиковъ не смотря на то, что трудились независимо одинъ отъ другаго, въ своемъ переводѣ не только удержали тѣже мысли, но употребили одни и тѣже слова; Епифаній же говоритъ о согласіи во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, въ прибавленіяхъ и сокращеніяхъ, и т. д. Ясно, что всѣ поименованные нами писатели, повторяя въ своихъ свидѣтельствахъ факты, указанные въ письмѣ Аристея, постепенно присоединяли къ нимъ все новыя и новыя подробности, какія къ ихъ времени успѣвала изобрѣсти вѣчно дѣятельная народная фантазія. На устные народные рассказы, какъ на источникъ новыхъ подробностей, прямо указываетъ и одинъ изъ нашихъ свидѣтелей—Іустинъ.

Не смотря на то, что Іустину были извѣстны многія сочиненія, говорившія о происхожденіи перевода LXX, онъ не удовольствовался тѣмъ, что узналъ изъ нихъ; онъ счелъ нужнымъ выслушать устные рассказы о переводѣ отъ жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ было задумано и совершено дѣло перевода и все услышанное отъ нихъ передалъ въ своемъ повѣствованіи. „Это мы рассказываемъ вамъ, эллины, не басни и не вымышленную исторію“, говоритъ Іустинъ, заканчивая свой рассказъ о переводѣ, „мы сами были въ Александріи, видѣли доселѣ уцѣлѣвшіе остатки домиковъ на Фаросѣ, и что слышали отъ туземцевъ, знающихъ это по преданію отъ отцевъ, то теперь рассказываемъ вамъ“.

Но если дополненія къ письму Аристееву, находящіяся въ разсмотрѣнныхъ нами свидѣтельствахъ заимствованы изъ на-

роднаго преданія и носить на себѣ всѣ характеристическія особенности этого преданія, то можно ли имъ вѣрить и ими пользоваться при рѣшеніи вопроса о происхожденіи перевода Г. XX? Нѣтъ, несомнѣнно, что всѣ эти дополненія — вымыслы, лишены исторической основы, и при рѣшеніи названнаго вопроса не могутъ и не должны имѣть никакого значенія. Конечно писатели, въ свидѣтельствахъ которыхъ письмо аристеево пополнилось новыми подробностями, далеки были отъ мысли сообщать свѣдѣнія завѣдомо-ложныя, но они были очень довѣрчивы и вслѣдствіе этой довѣрчивости не только сами вошли въ заблужденіе, но ввели въ заблужденіе многихъ изъ своихъ читателей. М. Филаретъ, указавъ на свидѣтельство Іустина и перечисливъ находящіяся въ немъ подробности, которыхъ нѣтъ ни у Аристеева, ни у Филона и Флавія, говорить, что этимъ подробностямъ довѣрять нельзя и что хотя Іустинъ безъ сомнѣнія не хотѣлъ вводить другихъ въ заблужденіе, однако могъ быть самъ введенъ въ него. Вотъ подлинныя и во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя слова М. Филарета: „Іустинъ, in conor. ad Graec. говоритъ, что, по недовѣрчивости царя, каждый изъ переводчиковъ былъ заключенъ въ особую келлію, и несмотря на то переводъ нашелся согласнымъ не только въ мысляхъ, но и въ словахъ; и прибавляетъ, что онъ самъ видѣлъ остатки келлій. Сіе свидѣтельство приняли многіе Отцы церкви; а иные, какъ Епифаній, вмѣсто 72 келлій создали 36. Но въ сихъ мнѣніяхъ не позволяетъ утвердиться молчаніе Аристеева, Филона, Флавія — ближайшихъ свидѣтелей происшествія. Іустинъ безъ сомнѣнія не хотѣлъ обмануть, но онъ могъ быть обманутъ“¹⁾.

Результатъ сказаннаго нами доселѣ о вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ тотъ, что всѣ главные факты въ свидѣтельствахъ. позднѣйшихъ по времени письма аристеева, заимствованы изъ этого письма, новыя же прибавленія въ нихъ взяты изъ преданія и, какъ почерпнутыя изъ сомни-

1) Начерт. Библ. Исторіи. Изд. 1823 г. стр. 567 примѣч. 1.

тельнаго источника, не заслуживаютъ довѣрія. Такимъ образомъ мы остаемся при одномъ письмѣ Аристея и только оно одно получаетъ для насъ значеніе въ вопросѣ о происхожденіи перевода LXX. Но заслуживаетъ ли это письмо полнаго довѣрія съ нашей стороны, можно ли все передаваемое въ немъ принять за несомнѣнную историческую истину? Нѣтъ.

IV.

Всѣ древніе писатели, начиная съ Филона, нисколько не сомнѣвались въ справедливости того, что въ письмѣ Аристея сообщается о происхожденіи перевода LXX и потому охотно пользовались имъ. Вполнѣ справедливымъ признавалось все сказанное въ немъ и средневѣковыми учеными. Критическое отношеніе къ нему началось со времени реформации. Нѣкто Людвигъ Вивесъ первый недовѣрчиво отнесся къ письму Аристея; далѣе въ немъ усомнились Скалигеръ и Ричардъ Симонъ. Подробный критическій разборъ письма аристея былъ сдѣланъ англичаниномъ Ноду и затѣмъ голландцемъ Антономъ фанъ-Дале ¹⁾. Оба ученые такъ обстоятельно разобрали письмо и такъ убѣдительно раскрыли его недостоверность и неподлинность, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени ни одинъ ученый не находилъ возможнымъ защитить его. И дѣйствительно при внимательномъ разсмотрѣніи письма аристея въ немъ найдется многое, что невольно заставитъ усомниться и въ его достовѣрности, и въ его подлинности.

I. Прежде всего въ письмѣ Аристея встрѣчаются историческія неточности, которыя никакъ не могли быть допущен-

¹⁾ Л. Вивесъ въ примѣч. къ соч. Августина De civit. D. XXIII. 42; Скалигеръ въ примѣч. къ хронол. Евсевія MDCCXXXIV, Р. Симонъ въ своей „Hist. Crit. p. 187; Ноду въ соч.: Contra Historiam Aristeeae de LXX interpretibus Dissertatio; фанъ-Дале въ соч.: Dissertatio super Aristeeae de LXX interpretibus.

ны человѣкомъ, жившимъ при дворѣ Птолемея Филадельфа, и которыя во всякомъ случаѣ возбуждаютъ сомнѣніе въ достоверности всего вообще повѣствованія.

1) По словамъ нашего автора, Димитрій Фалерейскій, посоветовавшій приготовить греческій переводъ свящ. еврейскихъ книгъ, былъ бібліотекаремъ при царѣ Птоломѣѣ Филадельфѣ. Но это показаніе противорѣчитъ древнимъ несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, изъ которыхъ извѣстно, что, по смерти Птолемея Лага, Димитрій тотчасъ же былъ удаленъ отъ египетскаго двора Филадельфомъ и затѣмъ скорѣе умеръ отъ укушенія ядовитой змѣи. Причиною удаленія было то, что Димитрій советовалъ Лагу назначить своимъ преемникомъ не Филадельфа, а другаго сына ¹⁾.—Нѣкоторые, впрочемъ, изслѣдователи, въ томъ числѣ Блекъ ²⁾ и Кейль, ³⁾ считаютъ это противорѣчіе лишь кажущимся и потому легко устранимымъ. По ихъ мнѣнію переводъ LXX возникъ въ то время, когда Филадельфъ былъ соправителемъ своего отца. Поэтому, замѣчаютъ они, очень возможно, что Димитрій заправлялъ царскою бібліотекою еще при жизни своего покровителя Птолемея Лага и, какъ бібліотекарь, подаль мысль о переводѣ, въ которомъ могъ принимать живое участіе и Филадельфъ.—Само по себѣ, конечно, это дѣло возможное; но оно является совершенно невозможнымъ въ виду того, что сообщается, между прочимъ, въ аристеевомъ же письмѣ. Именно, по находящимся въ немъ даннымъ греч. переводъ былъ составленъ въ поздніе, сравнительно, годы правленія Филадельфа. Такъ напр. въ приводимомъ у Аристеева письмѣ первосвященника Елеазара къ царю говорится о супругѣ царя, Арсиноѣ, о его дѣтяхъ, а между тѣмъ объ отцѣ его—Лагѣ ни словомъ не упомянуто. Притомъ же Арсиноа вступила въ супружество съ Филадельфомъ послѣ того, какъ

1) Diog. Laert., de vita philos., 3,78; Cicero, Pro Rabirio Postumo, c. 9.

2) Bleek, Einl. s. 763.

3) Keil, Einl. s. 331.

потеряла перваго своего мужа македонскаго правителя Птолемея Керавна, такимъ образомъ по крайней мѣрѣ на 12-мъ году Филадельфова царствованія; а тогда Димитрія уже не существовало на свѣтѣ.

2) По свидѣтельству аристеева письма, переводчики прибыли въ Александрію и представились царю въ тотъ самый день, въ который онъ ежегодно праздновалъ побѣду, одержанную имъ надъ флотомъ царя Антигона. Но ни одинъ изъ древнихъ писателей ничего не знаетъ о морскомъ сраженіи между Филадельфомъ и Антигономъ. Одинъ изъ критиковъ аристеева письма (Ноду) полагаетъ, что его авторъ приписалъ Филадельфу ту морскую побѣду, которую въ дѣйствительности одержалъ надъ Антигономъ Гонатомъ Птолемеи Керавнъ, правитель Македоніи,—приписалъ по той, между прочимъ, причинѣ, что Птоломеи Керавнъ также, какъ и Филадельфъ, былъ сынъ Лага, только старшій.

II. Кромѣ этихъ историческихъ неточностей, хотя, говоря вообще, и незначительныхъ, но тѣмъ не менѣе немислимыхъ въ сочиненіи лица, близкаго ко двору Филадельфа, въ письмѣ Аристеева встрѣчаются указанія на такіе невѣроятные факты, которые также невольно заставляютъ сомнѣваться въ совершенной справедливости аристеева повѣствованія.—Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) Изъ письма видно, что Димитрій Фалерейскій, находясь при дворѣ Филадельфа, исполнялъ обязанности бібліотекаря.—Но совершенно несовгласно съ обычаями древности то, что, будто, такому знаменитому мужу, какъ Димитрій, который, по изгнаніи изъ Аѳинъ, занималъ при Птолемеѣ Лагѣ самое почетное положеніе,—была поручена должность бібліотекаря. Должность эта считалась незначительною и обыкновенно была поручаема или грамматикамъ, или даже отпущенникамъ. Между прочимъ извѣстно, что бібліотекаремъ царской бібліотеки при Птолемеѣ Лагѣ былъ грамматикъ Зенодотъ. 2) Докладъ Димитрія, письма царя и первосвященника изложены въ Аристеевомъ посланіи одинаковымъ стилемъ, и притомъ одина-

ково дурнымъ, какимъ во всякомъ случаѣ не могъ писать Димитрій, природный и вдобавокъ высокообразованный грекъ. Димитрій славился своимъ ораторскимъ искусствомъ и изяществомъ стила. Его слогъ признавалъ образцовымъ даже такой стилистъ какъ Цицеронъ: *orator polittissimus*—такъ называлъ Цицеронъ Димитрія ¹⁾. 3) Крайне невѣроятнымъ представляется то, что будто Димитрій, по прочтеніи перевода, счелъ нужнымъ наложить клятву на того, кто дерзнетъ произвести въ переводѣ самое незначительное измѣненіе. Церемонія заклятія въ древности употреблялась въ рѣдкихъ, исключительныхъ, по своей важности, случаяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ благосостояніемъ государства. Можно ли поэтому допустить, чтобы одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей своего времени счелъ нужнымъ совершить означенную церемонію въ дѣлѣ перевода іудейскихъ книгъ,—книгъ принадлежавшихъ народу, который въ тогдешней политической системѣ не имѣлъ почти никакого значенія. 4) Невѣроятно также и то, что Итоломей Филадельфъ, какъ говоритъ письмо Аристея, рѣшился на громадныя издержки съ цѣлію приобрѣсти списокъ священныхъ книгъ іудеевъ и затѣмъ сдѣлать переводъ этихъ книгъ. Если даже предположить, что Филадельфъ желалъ, по какимъ либо причинамъ, обнаружить при веденіи всего этого дѣла царскую щедрость, и въ такомъ случаѣ останутся рѣшительно непонятными затраты съ его стороны цѣлыхъ массъ золота. 5) Наконецъ, что касается того, упоминаемаго въ письмѣ, обстоятельства, будто Филадельфъ прослезился предъ своими друзьями, когда увидѣлъ свитки еврейскихъ книгъ, то оно по своей невѣроятности, способно вызвать улыбку.

III. Сверхъ указанныхъ историческихъ неточностей и невѣроятностей, заставляющихъ сомнѣваться въ достовѣрности повѣствованія аристея, въ немъ невольно останавливаетъ

¹⁾ Cicero, de orat., lib. II.

на себѣ вниманіе и еще одно обстоятельство, которое необходимо и прямо приводитъ къ мысли уже о его неподлинности. Именпо, составитель письма выдаетъ себя за эллина, поклонника Зевса, а между тѣмъ общій характеръ письма и нѣкоторыя встрѣчающіяся въ немъ частности заставляютъ видѣть въ немъ—составителѣ—лице другой народности и другой религіи. Такъ, авторъ обнаруживаетъ необыкновенную расположенность къ іудейскому народу и при каждомъ удобномъ случаѣ старается выставить въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ его представителей. Прежде всего онъ самъ ходатайствуетъ предъ Филадельфомъ о дарованіи свободы плѣннымъ іудеямъ и увѣряетъ царя, что, совершивши это, онъ совершитъ дѣло пріятное Богу, которое притомъ прибавитъ новый лучъ къ окружающему его сіянію славы; затѣмъ первосвященникъ Елеазаръ является у него мужемъ добродѣтельнѣйшимъ и разумнѣйшимъ, переводчики—іудеи—настолько мудрыми, что предъ ихъ необычайною мудростію преклоняются не только царь и его вельможи, но и греческіе философы. Самъ, обнаруживая расположенность къ іудеямъ, составитель письма и другихъ выставяетъ исполненными искренней расположенности и уваженія къ этому народу. По словамъ нашего составителя начальники царскихъ тѣлохранителей живо сочувствовали плѣннымъ іудеямъ, томившимся въ рабствѣ, самъ же царь до того простеръ свою внимательность къ переводчикамъ, что, тотчасъ же по прибытіи ихъ въ Александрію, дозволилъ имъ явиться къ себѣ, между тѣмъ какъ (замѣчается въ письмѣ) другіе, приѣзжавшіе къ царю по дѣламъ частнымъ, были допускаемы къ нему лишь на пятый день по приѣздѣ, а послы царей и знаменитыхъ городовъ принимались Филадельфомъ едва на тридцатый день.—Что касается религіи, то авторъ письма, выставяя себя язычникомъ, въ тоже время не можетъ скрыть своего благоговѣнія къ еврейскому закону, называетъ его святымъ и божественнымъ, говоритъ, что также относился къ нему царь, Димитрій Фалерейскій и другіе язычники, и сверхъ

всего этого молится единому истинному Богу о умягченіи царскаго сердца и о преклоненіи его на милость къ рабамъ іудеямъ ¹⁾.—Но все это естественно приводитъ насъ къ заключенію, что авторъ аристеева письма не эллинъ и язычникъ, а іудей, конечно александрійскій, преданный закону Моисееву со всею искренностію и съ полнымъ убѣжденіемъ въ божественномъ достоинствѣ предписанной этимъ закономъ религіи ²⁾.

Послѣднее обстоятельство, т. е. то, что Аристеево письмо обязано своимъ происхожденіемъ александрійскому іудею, проливаетъ свѣтъ на истинную цѣль этого письма и на его характеристическія особенности. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что цѣль письма состояла не въ точной объективной передачѣ историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ возникновеніе греческаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ, а въ томъ, чтобы возвысить значеніе этого перевода и доказать совершенное его сходство съ оригиналомъ съ помощію подробнаго и разукрашеннаго разсказа о живомъ участіи въ переводѣ знаменитыхъ язычниковъ, каковы Птоломей Филадельфъ и Димитрій Фалерейскій, и о трудахъ надъ нимъ палестинскихъ іудеевъ — мужей ученыхъ и мудрыхъ. Достиженіе подобной цѣли было въ прямыхъ интересахъ александрійскихъ іудеевъ. Александрійскіе іудеи были нелюбимы какъ египтянами, такъ и греками; эти послѣдніе въ своихъ сочиненіяхъ всячески старались унижить іудейскій народъ, его исторію, его священныя книги ³⁾. Съ другой стороны іудеи Палестины недовѣрчиво относились ко всемъ тѣмъ особенностямъ, которыми отличались отъ нихъ ихъ египетскіе соплеменники и единовѣрцы; они не придавали особен-

¹⁾ Rosenmüller. 377—383.

²⁾ М. Филаретъ (краткое начерт. ц. — библи. исторіи): „Древнѣйшее повѣствованіе о переводѣ (LXX) есть сочиненіе Аристея, который выдаетъ себя за чиновника Птолемея, но часто говоритъ какъ іудей“...

³⁾ Alexandrinische Juden. Herzog. Real-Encycl. B. I, s. 236

ной цѣны и греческому переводу священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ и указывали на его уклоненія отъ оригинала ¹⁾. Все это, конечно, должно было вызывать александрійцевъ-іудеевъ на защиту, побуждать ихъ къ возвышенію всѣми мѣрами того, что ихъ врагами и порицателями было унижаемо, и между прочимъ къ возвышенію священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, а также греческаго ихъ перевода. Отсюда-то и могло возникнуть Аристеево письмо, авторъ котораго, оставивъ въ сторонѣ историческую точность, заботился лишь о томъ, чтобы выставить дѣло составленія перевода LXX въ самомъ выгодномъ для перевода свѣтѣ, и въ этихъ-то видахъ наполнилъ свой рассказъ невѣроятными подробностями. И спустя одно-два столѣтія послѣ Филадельфа разсматриваемое нами письмо Аристея не могло не имѣть значенія не только въ глазахъ іудеевъ, но и въ глазахъ язычниковъ. Не напрасно же Филонъ, въ своемъ сочиненіи *De vita Mosis* рассказывая то положеніе, что законъ іудейскій былъ уважаемъ и языческими царями, въ доказательство приводитъ повѣствованіе о возникновеніи греческаго перевода,—повѣствованіе, въ главныхъ чертахъ сходное съ повѣствованіемъ Аристея, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ дѣлаетъ къ нему новыя, уже извѣстныя намъ, прибавленія, имѣющія цѣлю еще болѣе возвысить значеніе перевода LXX.

Итакъ, Аристеево письмо неподлинно, не принадлежитъ Аристееу, современнику Птоломея Филадельфа, составитель его—неизвѣстный намъ александрійскій іудей. Но въ такомъ случаѣ, когда же оно составлено и почему неизвѣстный его авторъ называлъ себя именно Аристеемъ? Для точнаго опредѣленія времени происхожденія письма Аристеева положительныхъ данныхъ не имѣется; несомнѣнно, впрочемъ, что въ первомъ вѣкѣ до Р. X. оно уже существовало. Оно, какъ

¹⁾ Указаніе на эти уклоненія заключается, между прочимъ, въ предисловіи къ книгѣ премудрости I. сына Сирахова.

мы знаемъ, было извѣстно Филою и І. Флавію, которые имъ пользовались и изъ которыхъ послѣдній прямо сослался на него, какъ на общеизвѣстное. Что же касается имени, присвоеннаго составителемъ, то поводомъ къ этому могло послужить, по мнѣнію Блека ¹⁾, то обстоятельство, что нѣкто Аристей дѣйствительно написалъ сочиненіе о іудеяхъ, о чемъ, по свидѣтельству Евсевія, упоминаетъ Александръ Полигисторъ ²⁾.

Но если въ Аристеевомъ письмѣ и находятся признаки его сомнительной достовѣрности и неподлинности, то во всякомъ случаѣ было бы однакоже и совершенно несправедливымъ признать его чистымъ вымысломъ, не заслуживающимъ никакого довѣрія. Всѣми его критиками, и древними и новыми, единодушно признано, что въ основѣ его лежитъ историческая дѣйствительность, и какъ ни трудно вообще отдѣлять историческую основу отъ прикрывающаго ее вымысла, тѣмъ не менѣе въ письмѣ Аристея можно указать такіе факты, историческая достовѣрность которыхъ едва ли подлежитъ спору и которые такимъ образомъ придаютъ ему очень важное значеніе въ вопросѣ насъ занимающемъ, т. е. въ вопросѣ о происхожденіи перевода LXX.

¹⁾ Bleek, 763.

²⁾ Александръ Полигисторъ около 90 или 80 г. до Р. X. составилъ книгу, имѣвшую своимъ предметомъ іудейскій народъ. Въ своемъ трудѣ онъ помѣтилъ много выдержекъ изъ сочиненій другихъ писателей и, между прочимъ, изъ историческаго сочиненія Аристея. Эти выдержки сохранены Евсевіемъ въ его Praepar. evang. 9, 17—39, выдерж. изъ Аристея 9, 25.

Но не былъ ли авторомъ Аристеева письма этотъ упоминаемый А. Полигисторомъ, Аристей? Герцфельдъ, по крайней мѣрѣ, высказываетъ такое предположеніе, основываясь на томъ, что составитель нашего письма указываетъ, въ его началѣ, на другое свое сочиненіе, содержаніе для котораго онъ заимствовалъ изъ разсказовъ іудейскихъ священниковъ, бывшихъ въ Египтѣ. Herzfeld, Gesch. d. Volkes Isra. s. 378. Упоминаемый А. Полигисторомъ Аристей былъ, по мнѣнію Герцфельда, изъ іудеевъ. То, что составитель письма выдаетъ себя за современника описываемыхъ событій, можетъ быть объяснено его желаніемъ придать письму возможно большій авторитетъ.

V.

Изъ числа фактовъ, упоминаемыхъ въ аристесовомъ письмѣ, нельзя не признать вполне несомнѣннымъ тотъ главный и важнѣйшій для насъ фактъ, что переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ получилъ свое начало при египетскомъ царѣ Птоломѣѣ Филадельфѣ, по его желанію и благодаря дѣятельному съ его стороны участию, хотя участие это не было, конечно, такимъ, какимъ изображается оно въ нашемъ письмѣ.

Исторія говоритъ, что всѣ вообще египетскіе Птолемеи, но особенно первые изъ нихъ, были просвѣщенными покровителями наукъ и искусствъ и питали особенную любовь къ книжнымъ сокровищамъ. Такъ Птоломей 1-й, сынъ Лаговъ, положилъ основаніе знаменитой Александрійской библіотекѣ и не мало заботился о наполненіи ея книгами, какія только можно было собрать. Въ этомъ дѣлѣ просвѣщенному царю помогали греческіе ученые и между прочимъ Димитрій Фалерейскій, превосходившій, по свидѣтельству Діогена Лахрція, своими разносторонними знаніями всѣхъ ученыхъ современниковъ. ¹⁾ Плутархъ прямо говоритъ, что Димитрій побуждалъ Птолемея Лага приобрѣтать и изучать книги о царствахъ и дѣлахъ правительственныхъ ²⁾. Птоломеею 1-му въ его заботливости объ улучшеніи Александрійской библіотеки и о умноженіи ея книжныхъ сокровищъ не уступалъ его сынъ и преемникъ Птоломей II-й Филадельфъ. Очень вѣроятно по этому, что вниманіе просвѣщенныхъ Птоломеевъ могло быть обращено, на ряду съ другими книгами, и на книги іудейскаго закона, съ цѣлію пополнить ими библіотеку. Это вѣроят-

¹⁾ Hävernick, Einleit. I Th., 2 Abth., s. 40

²⁾ Плутархъ, Arophetegm reg. t. VIII, p. 124. ed. Hutton: τὰ περὶ βασιλείας καὶ ἡγεμονίας βιβλία κτᾶσθαι καὶ ἀναγιγνώσκειν. По свидѣтельству Элиана (Var. hist. III, 17) Димитрій принималъ значительное участіе въ составленіи законовъ, обнародованныхъ Птоломеемъ Лагомъ.

но тѣмъ болѣе, что въ то время въ Египтѣ находилось очень много іудеевъ, а при Филадельфѣ, съ развитіемъ торговли въ Александріи, они переполнили этотъ городъ, вступили въ близкія и разнообразныя сношенія съ эллинами, вслѣдствіе чего въ эллискомъ обществѣ легко могли распространиться свѣдѣнія о древней іудейской литературѣ и заинтересовать людей любознательныхъ. Тотъ фактъ, что начало перевода ветхозавѣтнаго было положено при первыхъ Птоломеяхъ, и именно при Филадельфѣ, подтверждается и прямымъ свидѣтельствомъ, не зависящимъ отъ свидѣтельства аристеева письма и принадлежащимъ александрійскому іудею Аристовулу, жившему въ срединѣ 2-го вѣка до Р. X. Климентъ Александрійскій Strom 1, 14 и Евсевій Praer. Evang. VII, 13, называя Аристовула перипатетикомъ, говорятъ, что имъ было составлено и посвящено Птоломею Филометору толкованіе на пятокнижіе Моусеево—*τῶν ἱερῶν νόμων ἐρμηνεία* (или *Ἐξηγήσεις τῆς Μωυσέως γραφῆς*—Chran. Paschal. 1, 337) и отождествляютъ его Strom. V, 14. Pr. ev. VIII. 9 съ Аристовуломъ, упоминаемымъ въ письмѣ палестинскихъ іудеевъ къ египетскимъ, помѣщенномъ 2 Макк. 1, 10—36; здѣсь 1, 10 Аристовулъ называется учителемъ царя Птоломея, сущимъ отъ помазаныхъ іереевъ рода. Ричардъ Симопъ, Ноду, Эйххорнъ, Нельдеке и др. ¹⁾ возражаютъ противъ справедливости этихъ свѣдѣній объ Аристовулѣ и считаютъ извѣстное съ его именемъ сочиненіе—*Τῶν ἱερῶν νόμων ἐρμηνεία* неподлиннымъ, принадлежащимъ не іудейскому, а христіанскому писателю. Но возраженія названныхъ ученыхъ не могутъ быть признаны основательными. Такъ, возражая противъ самаго существованія Аристовула, указываютъ на то, что о немъ не упоминаютъ ни Филонъ, ни Иосифъ Флавій, изъ церковныхъ же писателей его въ первый разъ называетъ Климентъ; далѣе на то, что Аристовулъ, подобно письму ари-

¹⁾ Bleek, Einleit., 3. Aufl. s. 764.

стееву, на ряду съ Птоломеемъ Филадельфомъ ставить Димитрія Фалерейскаго, какъ участника въ переводѣ, между тѣмъ какъ—извѣстно, что Димитрій не могъ дѣйствовать при Филадельфѣ.

Но 1) Филонъ не былъ историкомъ: безъ особенной надобности онъ никого не называлъ опредѣленно и вообще имъ не упомянуть никто изъ многочисленныхъ александрійскихъ писателей—іудеевъ; Іосифъ могъ ничего не знать объ Аристовулѣ; если же изъ церковныхъ писателей объ Аристовулѣ упоминаетъ въ первый разъ Климентъ, то кто же и могъ упомянуть о немъ прежде Климента, писавшаго до 200 года? Одинъ только Іустинъ мученикъ. Но почему же этотъ послѣдній долженъ былъ назвать Аристовула? 2) То обстоятельство, что Аристовулъ вмѣстѣ съ Филадельфомъ называетъ Димитрія Фалерейскаго, какъ участника въ переводѣ, дѣйствительно возбуждаетъ недоумѣніе. Недоумѣніе это однакоже можетъ быть устранено такимъ образомъ: вообще нѣтъ необходимости подвергать сомнѣнію участіе въ переводѣ Димитрія Фалерейскаго,—участіе, на которое указано въ письмѣ Аристее и у Аристовула, хотя оно и не простиралось такъ далеко, какъ это представляется такъ называемымъ Аристеемъ; вѣроятно же всего, что Димитрій подалъ мысль о переводѣ еврейскихъ книгъ Птоломею Лагу и настаивалъ на ея исполненіи, быть можетъ, въ то время, когда Птоломей Лагъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ Филадельфа, т. е. 285—284 г. до Р. Х.; осуществлена же эта мысль была уже Филадельфомъ, послѣ смерти Лага и по удаленіи отъ двора Димитрія. Противъ тожества Аристовула, о которомъ говорятъ Климентъ и Евсей, съ Аристовуломъ упоминаемымъ 2 Макк. 1, 10 приводятъ слѣдующее: а) Существованіе послѣдняго очень сомнительно, ибо царь Птоломей, учителемъ котораго называется Аристовулъ, былъ конечно царь, правившій Египтомъ во время составленія письма, но тогда—въ 188 г. Эры Селевкидовъ, или въ 125—124 г. до Р. Х. правилъ Фисконъ: Аристовула слѣдовательно нужно считать

учителемъ Фискона; но послѣдшій былъ тогда почти 60 лѣтъ; такимъ образомъ учитель его былъ старъ до невѣроятія.

б) Какимъ образомъ могъ придти къ мысли учитель Фискона посвятить свой трудъ не Фискону, а его брату Филометору? Но первое возраженіе можетъ быть устранено такимъ образомъ: учитель 12-лѣтняго царевича могъ имѣть не свыше 25 лѣтъ и слѣдовательно Аристовуль во 125 году до Р. Х. могъ быть не старѣе 72 лѣтъ; но онъ могъ быть и моложе: всѣ Птолемеи были очень любознательны; Фисконъ не былъ исключеніемъ и потому могъ запасаться свѣдѣніями, его интересовавшими, будучи уже не отрокомъ, а юношею. Противъ втораго возраженія можно замѣтить слѣдующее: Фисконъ, начиная съ 161 года до смерти Филометора, т.-е. до 145 года до Р. Х. не былъ въ Египтѣ, поелику въ то время онъ правилъ собственно Киреною и Ливією; теперь, если Аристовуль жилъ въ Александріи и составилъ свой комментарий въ этотъ 16-лѣтній періодъ, то естественно, что онъ посвятилъ его Филометору, очень благосклонному къ іудеямъ; но очень можетъ быть, что Аристовуль былъ учителемъ обоихъ братьевъ и даже одного Филометора, который только на два года былъ старше своего брата. Наконецъ весьма вѣроятно слѣдующее предположеніе: въ двухъ отрывкахъ изъ Аристовула ргаер. evang. VIII, 9; XIII, 12, Аристовуль обращается къ Филометору и въ первомъ изъ нихъ даетъ отвѣтъ на вопросъ царя: какой смыслъ имѣетъ то, что въ писаніи Богу приписаны руки, лице, ноги, и проч.? Поэтому можно думать, что Филометоръ, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, обращался къ Аристовулу за свѣдѣніями относительно іудейской религіи и іудейскаго закона, и Аристовуль на вопросы, при семъ предлагавшіеся со стороны царя, отвѣчалъ сначала устно, затѣмъ еще разъ отвѣтилъ письменно—въ библейскомъ комментарий, который посвятилъ Филометору, за что и получилъ названіе царскаго учителя или отъ самого царя, или же отъ своихъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ нѣтъ достаточныхъ основаній не довѣрять дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о лицѣ Аристовула,

и вмѣстѣ съ тѣмъ и оспаривать подлинность его комментарія на писанія Моисеевы ¹⁾.

Комментарій Аристовула не дошелъ до насъ въ полномъ своемъ объемѣ; но Климентомъ и Евсевіемъ сохранено изъ него не мало отрывковъ. Strom. 1, 15. Pr. Ev. VII, 13; VIII, 9; IX, 6; XIII, 12. И вотъ въ одномъ изъ этихъ отрывковъ (взятомъ изъ предисловія къ комментарий) Аристовуль, обращаясь къ Филометору, говоритъ: извѣстно, что Платонъ слѣдовалъ нашему законодательству, и явно изучилъ все, въ немъ заключающееся; ибо еще прежде Димитрія Фалерейскаго, прежде побѣды Александра надъ персами, переведено было сказаніе объ изшествіи изъ Египта евреевъ, нашихъ гражданъ, и описаніе всего чудеснаго, случившагося съ ними, и занятіе земли (обѣтованной), и изложеніе всего законодательства, такъ что очевидно вышеупомянутый философъ заимствовалъ многое отсюда, потому что онъ былъ много ученъ, равно какъ и Пифагоръ, который многое изъ нашего перенялъ въ свое ученіе; затѣмъ Аристовуль продолжаетъ: истолкованіе же всего находящагося въ законѣ совершилось по распоряженію царя Филадельфа, предка твоего... и благодаря заботамъ о семъ Димитрія Фалерейскаго. Достоверность первой половины свидѣтельства Аристовула, гдѣ онъ говоритъ, что греческій переводъ нѣкоторыхъ отдѣловъ пятокижія существовалъ еще до временъ Александра Великаго оспаривается всѣми учеными. Такъ Блекъ замѣчаетъ, что, судя по связи рѣчи Аристовула, этотъ послѣдній не зналъ ничего опредѣленнаго о упоминаемомъ имъ древнемъ переводѣ, и что это не болѣе какъ предположеніе Аристовула, вызванное его стремленіемъ во чтобы то ни стало доказать, что даже Платонъ (какъ и др. греческіе философы) почерпалъ свою мудрость изъ писаній Моисеевыхъ. Поелику же Аристовуль считалъ невѣроятнымъ, чтобы Платонъ чи-

¹⁾ Герцфельдъ, s. 564—566.

таль законъ по-еврейски, то это обстоятельство и привело его къ предположенію, а затѣмъ и къ утвержденію, что Платонъ читалъ Моусеевы книги, или извлеченія изъ нихъ въ древнемъ, еще до него сдѣланномъ, греческомъ переводѣ ¹⁾. Что же касается послѣдней половины свидѣтельства, гдѣ Аристовуль дѣлаетъ замѣчаніе о переводѣ всего пятокнижія при Филадельфѣ, то она относительно исторической достовѣрности почти всѣми признается неподлежащею сомнѣнію. И дѣйствительно въ пользу достовѣрности этого свидѣтельства говорить его простота и безыскусственность, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе въ виду разукрашеннаго Аристеева разсказа, а также и то обстоятельство, что между Птоломеями—Филадельфомъ и Филометоромъ протекло менѣе вѣка, и потому учитель послѣдняго царя хорошо могъ знать то, что было сдѣлано первымъ. Притомъ въ самомъ свидѣтельствѣ Аристовула, если разсматривать его въ полномъ объемѣ, можно найти доказательство достовѣрности послѣдней его половины. Въ своемъ обращеніи къ Филометору Аристовуль имѣлъ главною своею цѣлію провести ту мысль, что древніе философы могли пользоваться и пользовались писаніями Моусеевыми. Конечно въ его прямомъ интересѣ было доказать, что пятокнижіе читалось философами все сполна въ греческомъ переводѣ, и онъ безъ сомнѣнія попытался бы это сдѣлать, если бы имѣлъ къ тому хотя малѣйшую возможность. Между тѣмъ онъ не дѣлаетъ подобной попытки и высказываетъ то лишь положеніе, что до побѣдъ Александра на греческій языкъ были переведены только извѣстныя части пятокнижія ²⁾);

1) Bleek, Einl. s. 766. — Ловягинъ, объ отн. писателей классич. къ библейск. по возрѣнію христ. апологетовъ: «мысль о древнѣйшемъ переводѣ св. Писанія, вставленная Аристовуломъ безъ указанія мѣста и времени перевода и лицъ, сдѣлавшихъ его, очевидно ничѣмъ не доказывается, а сама приводится, какъ доказательство мнѣнія о томъ, что греческіе философы заимствовали многое изъ кн. Моусея». 32 стр.

2) Ловягинъ: «вникая ближе въ смыслъ іудейскаго философа, можно

все же пятокнижіе было переведено на греческій языкъ при Филадельфѣ. Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что фактъ перевода пятокнижія при Филадельфѣ былъ во времена Аристовула фактомъ общеизвѣстнымъ и признавался на достаточныхъ основаніяхъ вполнѣ достовѣрнымъ. Такимъ образомъ въ свидѣтельствѣ Аристовула мы имѣемъ несомнѣнное подтвержденіе того, указаннаго въ Аристеевомъ письмѣ, факта, что іудейскій законъ былъ переведенъ на греческій языкъ при Птоломеѣ Филадельфѣ.

Но какъ скоро справедливо то, что начало перевода ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ было положено при Птоломеѣ Филадельфѣ, то необходимо признать, что дѣло это совершилось не иначе, какъ по желанію и настоянію самого Филадельфа: починъ въ этомъ дѣлѣ никакъ не могъ принадлежать въ то время александрійскимъ іудеямъ. Лишь въ правленіе Филадельфа іудеи наполнили собою Александрію, куда они прибыли частію изъ Палестины, частію изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Египта, гдѣ они были поселены или поселились при Александрѣ Великомъ и за тѣмъ при Птоломеѣ 1-мъ. Но, стекшись въ Александрію, іудеи, конечно, принесли туда съ собою языкъ своего прежняго отечества, каковымъ во всякомъ случаѣ не былъ языкъ греческій, уже послѣдствіемъ распространеній повсюду въ предѣлахъ бывшей Александровой монархіи. Такимъ образомъ новые поселники столицы Птолемеевъ только здѣсь могли впервые ознакомиться съ языкомъ греческимъ и начать постепенное усвоеніе его. Правда, при Филадельфѣ въ Александріи находились такіе іудеи, которые, живя тамъ со временъ Птолемея Лага, конечно основательно усвоили греческій языкъ; но во 1-хъ съ усвоеніемъ чужаго языка, они едва-ли забыли свой природный настолько, что были не въ состояніи понимать его; а во 2-хъ

думать, что онъ съ намеренною или ненамеренною неточностію говоритъ не болѣе, какъ объ отрывкахъ изъ св. писанія, или неполныхъ извлеченіяхъ изъ исторіи евреевъ отъ изшествія ихъ изъ Египта до занятія земли обѣтованной. 37 стр.

они были очень немногочисленны по сравненію съ массой только что прибывшихъ въ Александрію ихъ единовѣрцевъ. При такихъ условіяхъ іудеи александрійскіе едва-ли могли, въ первую половину царствованія Филадельфа, почувствовать настоящую потребность въ переводѣ священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ на греческій языкъ, и необходимость не медля удовлетворить этой потребности, не смотря на новостъ дѣла и свое глубокое уваженіе къ оригинальному священному тексту; трудно даже предположить, чтобы въ то время въ ихъ средѣ могла зародиться серьезная мысль о переводѣ. А между тѣмъ начало перевода было положено при Птоломѣѣ Филадельфѣ. Понятно, что это могло быть лишь слѣдствіемъ желанія самого царя, заботившагося о пополненіи своей библіотеки, какъ о томъ и говорится въ письмѣ Аристеевомъ¹⁾.

Далѣе неподлежащимъ сомнѣнію слѣдуетъ признать и тотъ указываемый въ Аристеевомъ письмѣ фактъ, что при Филадельфѣ былъ переведенъ лишь законъ т.-е. писанія Моисея. О переводѣ только закона говоритъ Аристовулъ; у Филона и Иосифа рѣчь также идетъ только о законѣ. О томъ же свидѣтельствуется Талмудъ²⁾, а также во многихъ мѣстахъ своихъ

¹⁾ Франкель, указывая на многочисленныя еврейскія выраженія, которыя удержаны въ переводѣ LXX и которыя Птоломей не понималъ, приходитъ къ тому заключенію, что переводъ не могъ быть составленъ для Птолемея. Но такое заключеніе не необходимо. По замѣчанію Герцфельда, почти всѣ еврейскія выраженія, удержанныя въ переводѣ, удержаны или потому, что ихъ значеніе было неизвѣстно для переводчиковъ, или потому, что не было найдено соответствующихъ имъ греческихъ словъ, поелику переводчики, что необходимо предположить, владѣли греческимъ языкомъ не въ полномъ его объемѣ, но знали лишь извѣстную часть. Далѣе, употребленіе нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ въ переводѣ можетъ быть удовлетворительно объяснено тѣмъ, что они вошли въ составъ того разговорнаго греческаго языка, который началъ выработываться во времена составленія перевода. въ средѣ александрійскихъ іудеевъ; переводчики же написали конечно для царя переводъ тѣмъ языкомъ, которымъ говорили.

²⁾ Tr. Megilla: Traditio est. ut dicit R. Iudah. quod, quum permiserunt (magistri nostri) Legem in Graecum conscribi, permiserunt id tantum libro Legis; atque inde ortum est opus Ptolomaei regis.

сочиненій Иеронимъ, ссылаясь между прочимъ на единогласныя свидѣтельства іудеевъ. Такъ, въ комментарий на книгу пр. Іезекіиля (сар. V) онъ замѣчаетъ: Аристей, Іосифъ и вся іудейская школа утверждаютъ, что LXX перевели только пять книгъ Моисея.

Правда, Іустинъ мученикъ говоритъ о переводѣ не только книгъ Моисея, но и писаній пророческихъ, Иринеи—о переводѣ всѣхъ вообще Божественныхъ писаній ветхозавѣтныхъ,— а Елифаній—о переводѣ, сверхъ каноническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, 72 книгъ апокрифовъ; но мы уже знаемъ, что подобнаго рода прибавленія къ письму Аристееву были почерпаемы изъ ненадежнаго источника устныхъ народныхъ сказаній; и приведенныя добавленія о количествѣ переведенныхъ книгъ могутъ лишь подтвердить это положеніе.

Заслуживаетъ затѣмъ полнаго довѣрія указаніе письма Аристеева на Египетъ и въ частности на Александрію, какъ на мѣсто греческаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ. Къ этому указанію письма, но уже вопреки ему, слѣдуетъ прибавить и то, что, по всей вѣроятности, переводчиками были іудеи, долгое время жившіе въ Египтѣ. На это обстоятельство несомнѣнно указываетъ основательное знакомство съ Египтомъ, его природой, обычаями и учрежденіями, знакомство, обнаруживающееся въ греческомъ переводѣ пятюнникія. Какъ на доказательство такого знакомства, достаточно указать на переводъ слова „туммиа“ греческимъ рѣченіемъ ἀλήθεια. Слово это значитъ истина; но по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (Діод. 1, 75: ἡ προσηγορέουσα (Египтяне) ἀλήθειαν) и Эліана (Var. his. XIV, 34: καὶ ἐκαλεῖτο τὸ ἄγαλμα ἀλήθεια). Слово это было въ Египтѣ обычнымъ названіемъ того изображенія, которое высшіе изъ жрецовъ и судей египетскихъ носили на шеѣ и которое, слѣдовательно, было признано переводчиками подобнымъ еврейскому Уриму и Туммиму. На знакомство съ Египтомъ указываютъ также слѣдующія употребленныя въ переводѣ египетскія слова: ἴβις, Βύσσος,

и др. Но если справедливо, что не только греческій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ составленъ въ Египтѣ, по что и переводчиками были лица, долго жившія въ этой странѣ, то очевидно, что рассказъ Аристеева письма о вызовѣ значительнаго числа переводчиковъ изъ Палестины не можетъ быть признанъ достовѣрнымъ. И дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ Блекъ, во времена Птолемея Филадельфа скорѣе въ Египтѣ, нежели въ Палестинѣ, могли быть найдены ученые мужи, обладавшіе, вмѣстѣ съ знаніемъ еврейскаго языка, такимъ основательнымъ знакомствомъ съ греческимъ, которое требовалось для точнаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ съ подлиннаго текста и которое обнаружено въ переводѣ пятокижія. Весьма вѣроятно, что кодексъ еврейскаго закона, съ котораго приготовленъ переводъ LXX, былъ приобрѣтенъ въ Палестинѣ. Извѣстно, что первые Птолемеи, собирая свою бібліотеку, заботились о томъ, чтобы рукописи, входившія въ ея составъ, были лучшими по своей правильности и для приобрѣтенія такихъ рукописей не жалѣли издержекъ. Для Александрійской бібліотеки были напр. куплены оригинальныя рукописи твореній Софокла, Эсхила и Еврипида, и афиняне получили за нихъ 15 талантовъ ¹⁾. Если такъ, то Филадельфъ не могъ конечно удовольствоваться первымъ попавшимся ему спискомъ іудейскаго закона, купленнымъ у кого либо изъ александрійскихъ іудеевъ; всего вѣроятнѣе, что Филадельфъ пожелалъ имѣть списокъ наиболѣе правильный, правильность котораго была бы притомъ засвидѣтельствована лицами надежными; а такой списокъ можно было приобрѣсти лишь въ Палестинѣ и въ частности въ Іерусалимѣ.

Очень вѣроятно также то, что лица, составлявшія переводъ, трудились не независимо одно отъ другаго, но, какъ говорится въ письмѣ Аристеевомъ, сличали между собою свои работы съ тою цѣлю, чтобы переводъ былъ по возможности

¹⁾ Герцфельдъ, 343.

правилень и въ немъ не имѣли мѣста разногласія. О такомъ именно способѣ веденія дѣла свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что извѣстныя понятія, встрѣчающіяся въ пятокнижій по нѣскольку разъ и въ различныхъ мѣстахъ, постоянно передаются одними и тѣми же словами. Такъ напр. для обозначенія безкровной жертвы всюду употреблено слово *זבֿחֿ*, для обозначенія жертвы кровавой слово *זבֿחֿ־בֿדָּמָּוּ*.

Вѣроятно, наконецъ, что представители александрійскаго іудейства разсмотрѣли и одобрили переводъ, послѣ того какъ онъ былъ приготовленъ, чѣмъ, между прочимъ, можно объяснить то обстоятельство, что переводъ вскорѣ вошелъ въ употребленіе между египетскими іудеями и приобрѣлъ въ ихъ средѣ необыкновенное уваженіе.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе главныхъ фактовъ, справедливость которыхъ едва ли можетъ быть оспариваема на достаточныхъ основаніяхъ, въ письмѣ Аристеевомъ указаны и нѣкоторыя частныя обстоятельства, которыя также могутъ быть признаны или достовѣрными или очень вѣроятными. Такъ въ Аристеевомъ письмѣ говорится о благосклонномъ отношеніи царя Птолемея Филадельфа къ іудеямъ, жившимъ въ Египтѣ. Фактъ этотъ совершенно справедливъ, хотя благосклонность эта была вызвана конечно не тѣмъ, что будто царь желалъ расположить въ свою пользу первосвященника Елеазара, дабы безпрепятственно получить отъ него кодексъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Причины названной благосклонности были иныя—политическія. Еще Александръ Великій во время пребыванія въ Іерусалимѣ пригласилъ іудеевъ къ участию въ его далекихъ военныхъ походахъ и обѣщалъ тѣмъ, которые за нимъ послѣдуютъ, свободу въ сохраненіи національныхъ и религіозныхъ обычаевъ; вслѣдствіе этого за Александромъ послѣдовало много іудеевъ. И такъ какъ они охотно сражались съ египтянами, то имъ предоставлены были одинаковыя права съ эллинами; это обстоятельство было причиною, что они по большей части остались въ Египтѣ. Кромѣ іудеевъ, въ Египетъ было переселено при Александрѣ 8,000 самарянъ;

завоеватель и къ нимъ отнесся благосклонно—подарилъ имъ землю въ Фавской области и поручилъ охранять эту послѣднюю. По смерти Александра, Птоломей Лагъ, сдѣлавшись Египетскомъ царемъ и овладѣвъ Палестинной, также вывелъ въ Египетъ множество іудеевъ и самарянъ, въ качествѣ восприимчивыхъ. Имѣя въ виду ослабить покоренныхъ туземцевъ посредствомъ усиленія въ Египтѣ чужеземнаго элемента, Лагъ выбралъ изъ плѣнныхъ іудеевъ и самарянъ 30,000 человекъ, вооружилъ ихъ и поручилъ имъ охранять многія укрѣпленныя мѣста. Правда, іудейскихъ старцевъ, дѣтей и женщинъ Птоломей закрѣпилъ за своими солдатами, которые получили земли и должны были вести осѣдлую жизнь; но это крѣпостное состояніе было гораздо легче рабства, такъ что Птоломей нисколько не опасался, чтобы положеніе крѣпостныхъ могло вызвать сочувствіе со стороны ихъ соплеменниковъ—воиновъ и такимъ образомъ повести къ возмущенію. Привлекаемые плодородіемъ страны и благосклонностію царя, многіе іудеи добровольно переселились въ Египетъ и получили равныя съ Македонянами права, въ противоположность съ глубоко-угнетенными туземцами. Вообще при Птоломей Лагѣ іудеи въ Египтѣ имѣли настолько значенія и заслуживали вниманія, что Гекатей, другъ царя, написалъ о нихъ отдѣльную книгу. Политики Птолемея Лага по отношенію къ іудеямъ придерживался и его преемникъ Птоломей Филадельфъ, желая съ одной стороны усилить въ Египтѣ Македонянъ, съ другой привязать къ своей династии палестинцевъ. Въ этихъ конечно видахъ Филадельфомъ облегчена была участь крѣпостныхъ іудеевъ. Птоломей III Еввергетъ не менѣе благосклонно относился къ іудеямъ, такъ что, по замѣчанію Герцфельда, египетскіе іудеи могли назвать своимъ золотымъ вѣкомъ вѣкъ первыхъ трехъ Птолемеевъ.

Достоверенъ и тотъ указываемый въ Аристесовомъ письмѣ фактъ, что во время царствованія въ Египтѣ Птолемея Филадельфа іерусалимскимъ первосвященникомъ былъ, между прочимъ, Елеазаръ. Мужъ, носившій это имя, первосвященство-

валь въ Іерусалимѣ съ 287 по 255 г.; Филадельфъ правилъ Египтомъ съ 284 по 247 годъ.

Къ числу указанныхъ въ Аристеевомъ письмѣ частныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть признаны очень вѣроятными, слѣдуетъ между прочимъ отнести то, что Филадельфомъ были отправлены подарки въ храмъ іерусалимскій. Въ тѣ времена каждый царь—или покорившій извѣстный народъ, или вступившій въ управленіе педавно покореннымъ, считалъ иногда нужнымъ посылать значительные дары въ храмы этого народа, дабы засвидѣтельствовать о своемъ уваженіи къ его религіи и такимъ образомъ расположить его въ свою пользу.

Понятно само собою, что справедливость и вѣроятность нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ письмѣ Аристеевомъ, усиливаютъ значеніе этого послѣдняго,—какъ свидѣтельства о происхожденіи перевода LXX, а потому основываясь на немъ и имѣя въ виду вышесказанное, мы можемъ утверждать положительно, что 1) переводъ ветхозавѣтныхъ писаній на греческій языкъ получилъ начало при Египетскомъ царѣ Птоломѣѣ Филадельфѣ въ первой половинѣ третьяго вѣка предъ Рождествомъ Христовымъ; что 2) при Птоломѣѣ Филадельфѣ переведена главнѣйшая часть ветхозавѣтныхъ писаній, именно пятокнижіе Моисеево; что 3) наконецъ переводъ этотъ сдѣланъ въ Египтѣ и въ частности въ Александріи.

VI.

Когда былъ приготовленъ переводъ прочихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, слѣдующихъ за пятокнижіемъ, при Филадельфѣ-ли и такимъ образомъ вскорѣ за переводомъ пятокнижія, или же значительно позднѣе, при комъ либо изъ Филадельфовыхъ преемниковъ, относительно этого нельзя сказать ничего опредѣленнаго, по недостатку какихъ бы то ни было прямыхъ положительныхъ свидѣтельствъ. Существуетъ одно лишь не прямое свидѣтельство, которое, не сообщая ничего о возникновеніи греческаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ въ полномъ

* ихъ составѣ, даетъ однако же возможность указать приблизительно какъ на время, въ которое всѣ ветхозавѣтныя книги были читаемы на греческомъ языкѣ и въ которое переводъ LXX былъ уже въ употребленіи, такъ и на нѣкоторыя другія обстоятельства возникновенія перевода. Свидѣтельство это заключается въ предисловіи къ греческому переводу книги Премудрости Иисуса сына Сирахова, написанной первоначально на еврейскомъ языкѣ. Предисловіе принадлежитъ внуку составителя книги и вмѣстѣ ея переводчику. Въ этомъ предисловіи, подлинность котораго, нужно замѣтить, безспорна, мы читаемъ слѣдующее: „Поелику въ законѣ, пророкахъ и прочихъ писаніяхъ преданы намъ многіе высокіе уроки, за которые должно почитать Израиля славою многовѣдѣнія и мудрости, и поелику не только сами читатели могутъ сдѣлаться многосвѣдущими, но и другимъ приносить пользу посредствомъ устныхъ и письменныхъ наставленій: то дѣдъ мой Иисусъ, много упражнявшійся въ чтеніи закона, пророковъ и прочихъ отечественныхъ писаній, и пріобрѣтшій посредствомъ ихъ довольно опытности, рѣшился самъ написать нѣчто, относящееся къ знанію и мудрости, чтобы любознательные, упражняясь въ этомъ, тѣмъ тверже держались пути, указаннаго закономъ. Итакъ, прошу васъ читать съ благорасположеніемъ и внимательностію, имѣя снисхожденіе къ тому, что въ переводѣ, можетъ быть, мы слабо выразили нѣкоторыя мѣста. Сочиненіе, писанное по еврейски, не можетъ удержатъ всей силы, когда переводится на другой языкъ; и не только сія книга, но и законъ, и писанія пророковъ, и прочія книги представляютъ не мало различій на своемъ природномъ языкѣ. Прибывъ въ Египетъ въ 38 году при царѣ Евергетѣ (ἐν τῷ οὐδῶ καὶ τριακστῷ ἔτει ἐπὶ τοῦ Εβεργέτου) и живя тамъ, я нашель, что сіе сочиненіе есть трудъ высокой мудрости. Весьма полезнымъ почель приложить тщаніе и трудъ къ переводу книги. Много ночей проводилъ я безъ сна и употребилъ много труда и времени, чтобы привести дѣло къ окончанію и издать для тѣхъ, кои въ преселеніи жела-

ють заниматься ученіемъ и устроятъ жизнь по закону“.

Итакъ, изъ предисловія прежде всего видно, что ко времени прибытія въ Египетъ внука Иисуса сына Сирахова и переводчика его, книги не только законъ, но и пророки и прочія книги (агиографы) существовали уже на греческомъ языкѣ. Но когда именно онъ прибылъ въ Египетъ? По его собственному указанію это случилось въ тридцать восьмомъ году при царѣ Евергетѣ. Указаніе однакоже не вполне ясно и опредѣленное. Въ тридцать восьмомъ году; но отъ какого именно событія протекли эти 38 лѣтъ? При царѣ Евергетѣ; но при какомъ именно? названіе Евергетъ было присвоено двумъ Египетскимъ царямъ: Птоломею III, преемнику Филадельфа, и Птоломею VII. Вслѣдствіе этой неопредѣленности и время прибытія въ Египетъ и пребыванія тамъ внука Иисуса сына Сирахова опредѣляютъ различно. Такъ Герцфельдъ, Блекъ и другіе утверждаютъ, что онъ прибылъ въ Египетъ при Птоломее VII, рассуждая при этомъ такимъ образомъ: древніе писатели весьма рѣдко дѣлаютъ указанія на годы собственной жизни; поэтому подь 38 годомъ, упоминаемымъ въ предисловіи внука Сирахова, слѣдуетъ разумѣть годъ царствованія Евергета. Но поелику Евергетъ 1-й правилъ Египтомъ 25 лѣтъ, то конечно не о немъ говоритъ составитель предисловія. Вѣроятно же всего, что его указаніе относится къ Птоломею VII Фискону, который также былъ называемъ Евергетомъ и который долгое время былъ правителемъ Египта. Именно, онъ вступилъ въ управленіе Египтомъ въ началѣ 169 года до Р. Х., когда младшій его братъ Филометоръ былъ плѣненъ Сирийцами, затѣмъ, по освобожденіи Филометора, правилъ вмѣстѣ съ послѣднимъ до 162 года. Въ 162 г. Фисконъ свергъ Филометора, но вскорѣ долженъ былъ уступить ему власть и остаться лишь правителемъ Кирены и Ливіи. Когда въ 145 году Филометоръ умеръ, Фисконъ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Египта и царствовалъ до 116 года. Очень можетъ быть, что, по распоряженію

Фискона, при исчисленіи лѣтъ его правленія, были принимаемы во вниманіе или всѣ годы, протекшіе съ 169 по 145-й (24 г.), или же тѣ (около 10 лѣтъ), въ продолженіе которыхъ онъ дѣйствительно правилъ Египтомъ при жизни брата. Если такъ, то въ первомъ случаѣ 38 годъ правленія Фискона долженъ падать на 132 г. до Р. X; во второмъ—на 118-й. Въ томъ или другомъ году впускъ Сираховъ и прибылъ въ Египетъ.

Вайхаугеръ,¹⁾ Кейль²⁾ и др. напротивъ полагаютъ, что переводчикъ книги Іисуса сына Сирахова прибылъ въ Египетъ при Птоломееѣ III Евергетѣ. Основанія для этого мнѣнія слѣдующія: а) подъ 38 годомъ, который названъ въ предисловіи, нельзя разумѣть 38 г. правленія того царя, при которомъ переводчикъ поселился въ Египтѣ, и слѣдовательно нѣтъ надобности между египетскими правителями искать правителя царствовавшего болѣе 38 лѣтъ и такимъ образомъ по необходимости останавливаться на Фисконѣ. Выраженіе „въ 38 году при царѣ Евергетѣ“ значить не то же, что „въ 38-мъ году царя Евергета“, а нѣчто другое и вѣроятно же всего указываетъ на возрастъ переводчика во время его прибытія въ Египетъ при Евергетѣ. б) Если даже предположить, что переводчикъ нашъ желалъ обозначить годъ правленія Евергета, то и въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы назвать 38-й годъ. Между Египетскими правителями не было ни одного Евергета, который бы царствовалъ 38 лѣтъ, или болѣе. Птоломей III Евергетъ (I) управлялъ съ 247 года по 222, такимъ образомъ 25 лѣтъ; Птоломей VII, котораго также называли иногда Евергетомъ (II), царствовалъ съ 145 по 116, слѣдовательно 29 лѣтъ. Правда, онъ принялъ участіе въ правленіи съ 170 г. но сначала былъ лишь соправителемъ своего брата, затѣмъ властвовалъ не надъ Египтомъ собственно, а надъ Киреною и Ливією; единодержавнымъ

¹⁾ Uahinger, *Jesus Sirach. Real—Enzykl.*, B. 6

²⁾ Keil, *Einleit.*, s. 740—741.

же властителемъ Египта сдѣлался съ 145 года; съ этого именно времени и исчисляются годы его правленія во всѣхъ хроникахъ и всѣми историческими писателями. в) Переводчикъ говоритъ въ предисловіи о царѣ Евергетѣ; но такое, всѣмъ извѣстное, названіе носилъ собственно одинъ изъ Египетскихъ Птолемеевъ—Птоломей III; общеупотребительное же названіе Птолемея VII было Фисконъ и только льстецы называли его Евергетомъ. Теперь если допустить, что переводчикъ по извѣстнымъ ему причинамъ находилъ нужнымъ назвать Евергетомъ Птолемея VII, то необходимо возникаетъ вопросъ: почему онъ не обозначилъ его съ большею опредѣленностію для того, чтобы отличить отъ другаго, всѣмъ извѣстнаго Евергета? Несомнѣнно, что указывая на время своего прибытія въ Египетъ, онъ желалъ быть точнымъ и хорошо зналъ, что неопредѣленность въ этомъ случаѣ неминуемо приведетъ къ недоразумѣніямъ. И однакоже мы не находимъ у него желаемой опредѣленности. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что нашъ переводчикъ, упоминая объ Евергетѣ, имѣлъ въ виду одного, всѣмъ извѣстнаго, существованія же другаго и не подозревалъ? На основаніи всего сказаннаго можно съ вѣроятностію предполагать, что переводчикъ книги Иисуса сына Сирахова прибылъ въ Египетъ при Птолемеѣ Евергетѣ I-мъ, а не при Евергетѣ II-мъ, или Фисконѣ.

Къ тому же вѣроятному предположенію можно придти и другимъ путемъ.—Иисусъ Сынъ Сираховъ 50, 1—25 перевозитъ похвалами первосвященника Симона, сына Оніи.—Было два первосвященника съ именемъ Симона, и оба они имѣли отцевъ съ однимъ и тѣмъ же именемъ Оніи. Одинъ первосвященствовалъ 310—291 до Р. Х., другой 219—199. Первый былъ мужемъ знаменитымъ и получилъ наименованіе „праведный“. Преданіе называетъ его послѣднимъ членомъ великой Синогаги и прославляетъ его имя. О второмъ извѣстно только то, что онъ препятствовалъ Птолемею Филопатору проникнуть во Святое Святыхъ Иерусалимскаго храма. Одного изъ этихъ первосвященниковъ Сирахъ и описываетъ

и вѣроятнѣе всего Симона 1-го, такъ какъ къ нему наиболѣе приложимы похвалы Сираха. Изображеніе Сираха отличается особенною живостію и наглядностію, и потому съ вѣроятностію можно думать, что онъ былъ современникомъ первосвященника, имъ восхваляемаго. Если же это такъ, то Сирахъ могъ написать свою книгу не позднѣе 260 года и если внуку Сираха было тогда лѣтъ 10, то 38 годъ его жизни, когда онъ прибылъ въ Египеть, долженъ падать на 232 г. до Р. Х., или на 15-й годъ царствованія Евергета 1-го.

Таковы главныя мнѣнія о времени пребыванія въ Египтѣ переводчика книги Сираха. Основанія, на которыхъ они опираются, не достаточно сильны; но въ то же время каждое изъ нихъ имѣетъ извѣстную долю вѣроятія, а потому и не малое число послѣдователей, вслѣдствіе чего становится затруднительнымъ отдать предпочтеніе какому либо изъ нихъ. Послѣднее впрочемъ представляется болѣе вѣроятнымъ и если мы его примемъ, т. е. если допустимъ, что внукъ Сираха прибылъ въ Египеть при Евергетѣ 1-мъ и въ то время могъ читать законъ, пророковъ и прочія книги въ греческомъ переводѣ, то значить, что переводъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ уже существовалъ тогда, т. е. во второй половинѣ 3-го вѣка до Р. Х. и былъ приготовленъ и законченъ или при Птоломеевѣ III Евергетѣ, или даже, быть можетъ, при Птоломеевѣ Филадельфѣ въ послѣдніе годы его царствованія, хотя и не по его желанію и не вслѣдствіе его заботъ объ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ если мы, не довѣряя послѣднему мнѣнію, склонимся на сторону перваго, т. е. признаемъ, что пребываніе въ Египтѣ внука Сирахова падаетъ на время правленія Фискона, или Евергета II, а не Евергета 1-го, то и въ такомъ случаѣ мы не будемъ поставлены въ необходимость отнести несомнѣнные слѣды существованія перевода LXX къ очень позднему времени. Если внукъ Сираха прибылъ въ Египеть при Фисконѣ, то прибылъ (какъ мы видѣли) или въ 132 или въ 118 году. Но тогда судя по его словамъ переводъ былъ значительно рас-

пространенъ: его читатели іудеи, жившіе въ Египтѣ, сличали съ подлинникомъ, высказывали сужденія о степени его достоинствъ. На этомъ основаніи можно полагать, что переводъ возникъ значительно ранѣе прибытія въ Египетъ нашего свидѣтеля. И дѣйствительно въ отрывкахъ изъ сочиненій древнихъ писателей, сохранившихся до насъ, мы находимъ указанія на греческій переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ,—указанія доводящія насъ до сороковыхъ, пятидесятихъ и дальнѣйшихъ годовъ 2-го вѣка. Такъ, нѣкто Евполемъ, писавшій около 140 года, пользовался греческимъ переводомъ не только историческихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, но и переводомъ „Пѣсни пѣсней“; историкъ Аристей, писавшій около того же времени, или нѣсколько позднѣе, читалъ греческое прибавленіе къ книгѣ Іова, и поелику прибавленіе это сдѣлано, конечно, къ переводу книги, то можно думать, что самый переводъ существовалъ уже въ пятидесятихъ годахъ 2-го вѣка. Но подобнаго рода указанія вводятъ насъ въ первую половину 2-го вѣка и такимъ образомъ приближаютъ къ третьему ¹⁾).

Кромѣ болѣе или менѣе близкаго опредѣленія времени, къ которому былъ приготовленъ греческій переводъ ветхо-

¹⁾ Отрывки изъ Евполема и Аристея, приведенные Александромъ Полигисторомъ, сохранены въ сочиненіи Евсевія Pr. ev. IX, 17, 26. 30 — 34. 39; IX, 23, о чемъ уже было замѣчено. По предположенію Герцифелда (§ 481) Евполемъ, упоминаемый Полигисторомъ, есть одно и то же лице съ тѣмъ Евполемомъ, который по 1 Мак. 8, 17 обладалъ основательнымъ знаніемъ греческаго языка и былъ отправленъ въ 160 г. до Р. X. Іудею Маккавеемъ въ Римъ, въ качествѣ посла. Евполемъ написалъ три сочиненія: о іудеяхъ Сиріи (Палестины), о царяхъ въ Іудеѣ и о пророческомъ дарѣ Іліи. Рассказывая въ первомъ своемъ сочиненіи по 3 Ц. о томъ, что было сдѣлано Соломономъ, Евполемъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Соломонъ приготовилъ 1000 золотыхъ щитовъ. Здѣсь Евполемъ отступаетъ отъ 3 Ц. 10, 16. 17 и слѣдуетъ Пѣсн. пѣсн. 4, 4. Евполемъ былъ язычникъ; составляя свои рассказы главн. обр. по книгамъ въ греч. переводѣ, онъ къ библейскимъ повѣствованіямъ присоединялъ не мало сказаній баснословныхъ. Герцф. (481—483; 572—574).

завѣтныхъ книгъ, съ помощью свидѣтельства переводчика книги сына Сирахова можно придти къ заключеніямъ и о нѣкоторыхъ другихъ частныхъ обстоятельствахъ возникновенія названнаго перевода. Такъ переводчикъ говоритъ, что мысль о переводѣ на греческій языкъ книги Иисуса сына Сирахова зародилась въ немъ послѣ того, какъ онъ прожилъ нѣкоторое время въ Египтѣ и слѣдовательно ознакомился съ условіями жизни своихъ соплеменниковъ, находившихся въ этой странѣ, что затѣмъ мысль эта была осуществлена имъ въ Египтѣ же съ исключительною цѣлю принести пользу находящимся въ переселеніи, т. е. египетскимъ іудеямъ, которые слѣдовательно затруднялись пользоваться книгою въ подлинникѣ. Но если такъ, то можно думать, что и ветхозавѣтныя книги, переведенныя на греческій языкъ послѣ составленія перевода пятокнижія, переведены именно для удовлетворенія нуждамъ египетскихъ іудеевъ, быстро усвоившихъ греческій языкъ, и, въ большинствѣ, отвыкшихъ отъ языка природнаго, переведены людьми жившими въ Египтѣ и потому знакомыми съ названными пуждами. И послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе вѣроятно, что оно находитъ подтвержденіе въ свойствахъ и особенностяхъ перевода. Подобно переводу пятокнижія, переводъ прочихъ ветхозавѣтныхъ книгъ содержитъ также не мало словъ и выраженій, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ съ Египтомъ и съ греческою рѣчью, которая сложилась и была въ употребленіи въ Египтѣ.

Переводчикъ говоритъ еще, что онъ много ночей проводилъ безъ сна и употребилъ много труда и времени, чтобы привести дѣло къ окончанію, т. е. чтобы составить греческій переводъ книги Иисуса сына Сирахова, написанной по еврейски. Слѣдовательно передача на греческій языкъ вообще еврейскихъ книгъ была дѣломъ весьма нелепымъ для іудеевъ, посвящавшихъ себя этому дѣлу. Если же такъ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ветхозавѣтныя книги, переведенныя послѣ пятокнижія, были переведены не однимъ лицомъ, а нѣсколькими. Въ пользу того, что переводъ

былъ составленъ именно различными переводчиками, а не однимъ и тѣмъ же лицомъ, достаточно говорить различіе между собою переводовъ отдѣльныхъ книгъ. Такъ напр. въ переводѣ книги Притчей замѣтно отчетливое пониманіе подлиннаго текста и стремленіе прежде всего передать его смыслъ и затѣмъ уже букву. Напротивъ переводъ книги Псалмовъ обнаруживаетъ рабское слѣдованіе буквѣ оригинальнаго текста и, по мѣстамъ, совершенное непониманіе смысла подлинника, что особенно подтверждается переводомъ надписаній псалмовъ.

Н. Елеонскій.
